639.2
С. 18

НИКОЛАИ САНЕЕВ

ОХОТА ЗА СОЛНЦЕМ

Камчатское
отделение
Дальневосточного
книжного
издательства
Петропавловск-
Камчатский
1972

Инв. № 325197
Библиотека

Эта книга только об одном промысловом рейсе комсомольско-молодежного экипажа большого морозильного траулера «Камчатская правда», о людях, удивительно разных, но поразительно схожих в главном — в своей святой приверженности к морю, в трудолюбии, в жизненных устремлениях.

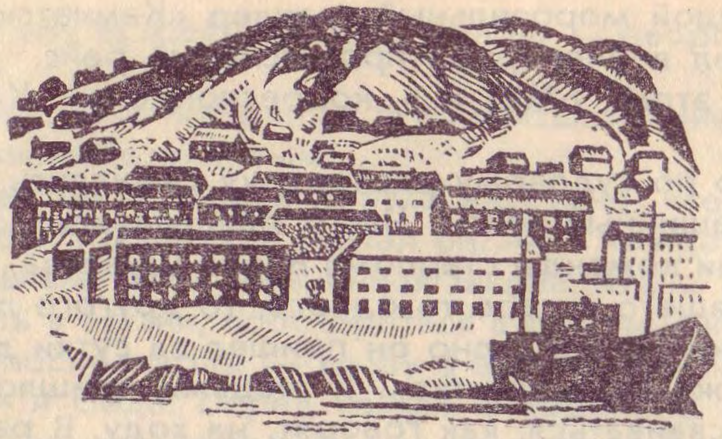
Последние очерки: «Отчего в море хлеб кислый?», «Глупышам на радость» и «Когда греметь оркестрам?» — сугубо экономические. В книгу они включены из тех соображений, что в них отражены ключевые моменты, волновавшие всех промысловиков большого флота в начальный период работы в новых условиях планирования и экономического стимулирования.

Все наиболее злободневные проблемы тех дней нашли затем четкое воплощение в Директивах XXIV съезда КПСС. В то же время отдельные моменты, касающиеся повышения экономической эффективности работы флота, и сегодня не утратили актуальности.

Художник Геннадий АЛЕКСЕЕВ

Фото Анатолия ВЛАСОВА.

Камчатская областная библиотека. Отдел Краеведения



Дом в море

Если тебе стало в тягость однообразное хождение по одной и той же улице, если на тебя начинает действовать дребезжание поношенных автобусов так же, как действует наждачная очистка ржавчины, наконец, если ты перестаешь находить в своем городе новое, уйди хоть на время в море. И как только с ходового мостика раздастся команда: «Поднять якоря! Посторонним покинуть судно!» — ты поймешь, что ты оставляешь.

За бортом медленно плывет такой же корабль, только огромный — тысячеглазый ночной Петропавловск. Жадно выхватывают глаза из огненных дорожек-улиц ту, которая казалась однообразной, скучной. Скользят по ней коробочки светлячки. Это и есть те самые скрипучие, много раз руганные тобой автобусы.

Но вот сопки, словно черная ширма, закрывают последние огоньки. Неожиданно обрывается на палубе последний аккорд гитары.

...Большой морозильный траулер «Камчатская правда» уходил в очередной промысловый рейс. Уходил в море на этом БМРТ и я, корреспондент «Камчатской правды».

Строго по судовому распорядку сменялись штурманские и машинные вахты. Часто раздавались по судовой трансляции команды старпома Юрия Шуваева, то и дело приглашавшего к себе то одного, то другого по различным вопросам. На судно он пришел за сутки до отхода. И со сложным хозяйством и людьми пришлось знакомиться, осваиваться, как говорят, на ходу. В радиорубке вахтенный радист вслушивался в звуки эфира. Словом, круглые сутки была на местах и занималась своим делом, если так можно сказать, служба жизнеобеспечения судна.

А остальные члены команды... Некоторые ходили из каюты в каюту, толкались в узких коридорах, не находя себе места. И почти в каждой каюте обязательно кто-то лежит с позеленевшим лицом, впалыми глазами, в которых и мужская стыдливость: «Не думал, что так укачает», и надежда: «Авось пройдет», и растерянность: «А вдруг весь рейс вот так будет качать».

На камбузе одиноко возится низкого роста женщина. Как муравей подтаскивает мешки, которые чуть не больше ее самой. Ее приняли на судно перед самым отходом. Качка ее не взяла. Из всего камбузного корпуса одну ее не взяла. А у шеф-повара хватало сил лишь на то, чтобы дать совет или добраться до иллюминатора — глотнуть свежего воздуха.

Пустуют кресла в кают-компании.

Где же те нити, которые связывают людей в единый, подчиненный определенному распорядку организм, называемый экипажем? Когда же и с чего начинается сложный процесс его становления? Каждый был чем-то занят,

чем-то озабочен, встревожен. А в целом — неорганизованная толпа.

Своими мыслями поделился я с капитаном Николаем Владимировичем Сотниковым.

— Большая часть людей попала на судно, что называется, прямо с вокзала, — сказал он. — У каждого, конечно, за плечами своя жизненная школа. Одни успели уже отслужить в армии, пообтереться в рабочем коллективе, другие после школы — сразу в армию. Только сняли погоны — и сюда. Перед самым отходом. С морем общались разве что через книги да кинофильмы. Так что это пока не коллектив. Но он уже начинает складываться. С первого дня. Только этого процесса сразу не увидишь, не ощутишь. Есть у нас свой костяк, люди, которые не в первый рейс идут. Они-то, вольно или невольно, выступают носителями судового порядка. К ним присматриваются, стараются делать, как они. И потом, люди разбиты на команды. У каждой свой круг обязанностей. Тралмастер обучает, воспитывает своих людей, заведующий производством и рыбмастера — своих.

Я намекнул на беспорядки в каютах.

— С непривычки укачало, — уклончиво заметил Николай Владимирович. — Да и берег еще дает себя знать. Сейчас, на переходе, пусть отдыхают, отходят. А потом все станет на свое место. Как это все будет в деталях — предугадать трудно.

Вот придем на место, бросим первый трал. Желательно, чтобы не пустым был. Это даже, если хотите, очень сильный психологический момент. И воспитательный. Для людей это и праздник, и добрая примета, и начало сбывающейся надежды. Сколько в море хожу, столько и боюсь этого первого трала. А вдруг мимо... Вся команда высыпает на корму. Стоишь на мостике, виду не подаешь, что волнуешься. А время вечностью кажется, пока

не обозначится за кормой светло-зеленое пятно и не всплывет куток с рыбой. С этого момента и начинается настоящая работа.

Потом первое собрание, первая стенгазета, первый день рождения на судне, первый капитанский час, первый конфликт, первая благодарность, первые удачи... Первая радиограмма — рапорт на берег: «Экипаж траулера...».

Мне довелось видеть подъем первого трала. Зрелище праздничное и, к сожалению, в деталях уже описанное, повторяться не стану. Добавлю лишь: жаль, что церемония подъема первого трала не освящена до сих пор запоминающимся ритуалом. Ведь разбивают же судостроители бутылку шампанского о нос корабля, когда его спускают на воду, окунают нефтяники руки в первую нефть. А у рыбаков выдумки, что ли не хватает?

Постановка и подъем первого трала несут в себе особую нагрузку и в воспитании рабочего коллектива. Именно с этого момента начинают распрямляться все пружины производственной и общественной жизни, с этого момента, по существу, начинает бурно идти процесс формирования экипажа.

Условия промысла диктуют для каждого свой жесткий распорядок, свой уклад жизни. И с этого момента мой блокнот стал быстро заполняться разноплановыми событиями. Каждое из них по своей значимости требует осмысления и, возможно, отдельного разговора. Поэтому прибегну лишь к хронологическим записям.

«Машинной команде собраться в столовой», — оповестила судовая трансляция. Старший механик Владимир Иванович Савин предельно краток:

— Переход, товарищи, закончился. Мы притерлись друг к другу, освоились с распорядком, опробовали в деле машины, механизмы.

А теперь наступила пора настоящей работы. Железная судовая дисциплина, добросовестное выполнение обязанностей, предусмотренных судовой ролью, четкость, внимательность, взаимовыручка — это с сегодняшнего дня должно стать для каждого нормой жизни. Без этого рыбы не будет.

Уточняются задачи. На возникшие во время перехода вопросы даются исчерпывающие ответы.

«Добрый день. Послушайте политинформацию о событиях за рубежом и в нашей стране, а также рассказ о первых днях работы команды».

Это приступил к своим новым общественным обязанностям молодой коммунист четвертый штурман Геннадий Михайлович Кривченков. С этого дня в свободное от вахт время его часто придется видеть в каюте первого помощника капитана Михаила Карповича Козлова. Прослушивание по радио последних новостей, отбор наиболее важных из них, подшивка газет и журналов станут его общественным делом.

Не закрывается дверь в каюте первого помощника. Вместе с электромехаником, секретарем комсомольской организации Анатолием Кравцуненко он обсуждает, как провести первое комсомольское собрание. Треть команды — комсомольцы. Нужно каждому обязательно подобрать поручение, каждого втянуть в общественную жизнь.

У одного из комсомольцев за длительное время не уплачены взносы. По Уставу нужно считать его выбывшим. Как быть? Пусть решит собрание. Сам процесс обсуждения окажет воспитательное воздействие на других.

На комсомольском собрании присутствуют почти все коммунисты. Доклад об итогах XVI съезда ВЛКСМ и задачах комсомольской организации судна делает третий штурман комсомолец Илья Романов.

Придирчиво выдвигаются кандидатуры в состав комитета комсомола, в «Комсомольский прожектор».

Решается судьба «персональщика». На него устремлены взоры множества людей. Кто он, как это с ним случилось? Объяснение горькое и назидательное для комитета комсомола океанического рыболовства. После армии попал на судно. Ушел в рейс. На БМРТ организация бездействовала. Никто им не поинтересовался, никто не принимал взносы.

Мотив веский, но не оправдывающий. «Виноват во многом сам. Прошу не исключать». Вздох по рядам, минутное молчание. Его нарушает голос: «Кто из команды механиков работает рядом, пусть расскажет о нем».

Аттестация безупречная: «Скромный, исполнительный, добросовестный». Принимается решение: вынести ему строгий выговор, обязать уплатить взносы.

Да, но вопрос о таком наказании должен рассматриваться на заседании базового комитета комсомола, наконец, на заседании бюро горкома комсомола. А как передашь дело? Заочно рассматривать его нельзя. А судно вернется в порт через полгода.

«Проявит себя за время рейса, — поступает предложение, — будем считать, вину свою искупил».

Поступил сигнал из столовой. На обед суп молочный и пудинг. Для диетчика — годится. Для обработчиков и тралвахты — легковатый.

«Работникам камбуза, ревизору, завпроду — в каюту капитана». На лицах ребят, слушающих это объявление, догадливая ухмылка: «На ковер, значит».

На летучем совещании «кормильцев» судна спрашивают строго: кто виноват? А итог совещания таков: от каждой вахты избрать в хозкомиссию по одному человеку. Пусть ребята сами предлагают меню, контролируют работу камбуза. Шеф-повару постоянно интересо-

ваться, по вкусу ли морякам пища. Дополнительно к рациону в вечернее время жарить рыбу.

На дверях каюты, где живет рулевой Анатолий Домничев и где размещена судовая библиотека, появилось объявление, извещающее о времени выдачи литературы. Люди на судне все занятые, и общественная библиотека должна функционировать применительно к вахтам.

Первое общесудовое профсоюзное собрание. Н. В. Сотников подробно информирует экипаж о результатах работы. Избирается новый состав судового комитета и многочисленные общественные комиссии, охватывающие своим контролем и влиянием все сферы судовой жизни.

Комсомольские «прожектористы» выходят на кормовой мостик. Но теперь уже не как болельщики. Следят, чтобы не передержали рыбу в «карманах», чтобы не осталась она неубранной после подъема трала на промысловой площадке. Спускаются в завод. Следят за качеством обработки рыбы, укладкой. Готовится первый номер газеты. И неизбежные в таких случаях донимания: «Напишите заметку».

Так день за днем во все поры общественной и производственной жизни судна проникал дух товарищества, коллективизма. И создавалась организация, цементирующая разобщенные силы в один кулак.

А вот первый санитарный обход. Судовой врач Зинаида Александровна Шишкина, старший помощник капитана Юрий Иванович Шуваев тщательно осматривают каюты. В столовой появляется санбюллетень. В нем сплошные двойки и единицы. И парни взялись за тряпки, мыло и швабры.

Заблестели переборки, столики, исчезло из кают все, что запрещено здесь держать правилами санитарии и судового распорядка. Чистота — глаз радуется. Снова обход, и в бюллетене уже пятерки и четверки. К досаде

среди них были опять жирные двойки. Идем к «двоешникам».

Один из хозяев каюты—матрос траловой вахты Юрий Грязнов. Самый заметный человек на судне. Своей внешностью. Посади Юрия на коня Ильи Муромца и одень в те же доспехи, никто не заметит подмены в картине Васнецова «Три богатыря». Заметен он и своей хваткой, сметкой, старанием.

Грязнов хоть и правая рука старшего тралмастера, а по части порядка в его каюте осечка вышла. Судовой врач смотрит на него снизу с укоризной:

— Опять, Грязнов, придется двойку ставить...

А Грязнов возвышается над ней этакой глыбой, от неловкости руку в гриву запустил.

— Под честное слово наперед можете пятерку ставить? С тралом день и ночь возился, все как-то не доходили руки до этого, — оправдывается матрос. — Теперь возьмусь.

И действительно взялся. Пятерку при очередном обходе поставили.

Вначале на меня повеяло от этих двоек и пятерок чем-то школярским. Экая беда, оценка в бюллетене. Что она для взрослых людей, да еще занятых тяжелым трудом! До чистоты ли тут, когда не успеваешь отдохнуть между вахтами. Ан нет, действует. Матросы так судят:

— Каюта — дом наш. По ней и о хозяевах судят.

Это, так сказать, моральная сторона дела. Но, оказывается, есть и материальная. Двойки в бюллетене могут служить основанием для частичного лишения премии.

Однако речь идет в данном случае не о наказании, а о многообразии средств воздействия на формирование уклада жизни и быта рыбацкого экипажа. На «Камчатской правде» это конкретное средство действует безотказно.

СОДЕРЖАНИЕ

5 Дом в море

13 Туковар Гречухин

28 Михайлыч

41 По палубе не ходить

52 Сувенир

83 У каждого свой горизонт

144 Отчего в море хлеб кислый

151 Глупышам на радость

158 Когда греметь оркестрам